

УДК 1(430) (091) + 929 Больнов

ФИЛОСОФИЯ ОТТО ФРИДРИХА БОЛЬНОВА: СОЦИАЛЬНОЕ, ЭТИЧЕСКОЕ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

О. М. Ломако

Ломако Ольга Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу этических и экзистенциальных оснований социального бытия человека на примере философии Отто Фридриха Больнова. Являясь по своей сути позитивным экзистенциализмом, эта философия направлена на позитивное восприятие общества и истории в их человеческом измерении. Основное понятие философии Больнова – «человечность». Речь идет о преодолении чувства опасности, страха и беззащитности в рискованных условиях современной цивилизации и о создании «новой защищенности», которая раскрывается через понятия «родина», «надежда», «благодарность», «праздник». Бытование социального хронотопа осуществляется как единство социального пространства и социального времени в их человеческом (этическом и экзистенциальном) понимании.

Ключевые слова: социальная философия, этика, Больнов, позитивный экзистенциализм, человечность, цивилизация, общество риска, родина, надежда, благодарность, социальный хронотоп.

В современных исследованиях всё чаще отмечается существенное изменение экзистенциальной проблематики, вопросы смысла бытия человека уступают место проблемам существования всего человечества перед лицом всевозможных природных катастроф и социальных рисков. Стимуляция и симуляция различных фобий, провоцирующих чувство страха, опасности и беззащитности, обретают глобальный характер.

Немецкий философ и педагог Отто Фридрих Больнов (1903–1991) – основоположник философии надежды и позитивного экзистенциализма, возникновение которых было инициировано глубочайшим социальным кризисом военного и послевоенного времени. Оценивая современную ему эпоху как драматическое противостояние человечности и бесчеловечности, он предлагает философскую программу оздоровления общества. Самой драматичной оппозицией современности О. Ф. Больнов считает не столько противостояние капитализм–социализм, сколько человечность–бесчеловечность; самая страшная угроза – не наращивание технизации, а потеря человечности [1, с. 24].

Фундаментальный философский вопрос «Что есть человек?» подразумевает, прежде всего, попытку найти на него разумный ответ. О. Ф. Больнов раскрывает трансцендентальный характер социальности, рассматривая человека как трансцендентальную предпосылку своего сообщества.

Тем самым процесс познания, расширяясь до социально-философской тематики, сближается с философией жизни, которая понимается не как простой иррационализм, а направлена на осмысление глубинных смыслов абстрактных понятий, моральных запретов и норм, на понимание их происхождения и значения для человека и общества.

Вполне очевидно, что человек – весьма рискованное существо. В силу своей природной незавершенности он не может жить в естественной среде; психическая неустойчивость, склонность к насилию делают его опасным для общества. Если животное живет в природной окружающей среде, то человек сам открывает свой мир. Вначале мир практически закрыт для него, хотя, возможно, и не полностью; он приоткрывается только в следующем круге, на следующем уровне обустройства окружения, насколько того требуют естественные потребности человека. Открытие, точнее, открывание (Erschließen) и есть само бытие, но не мира, а того, что мы называем человеческим существованием. Открывание и познание для грека нацелены на алетейю. Αληθεύειν означает быть открывающим, вывести мир из закрытости и спрятанности: таков способ человеческого существования [2, с. 16–17], и он наполнен опасностью и риском.

Понятие «человечность» связывается с понятием подлинности бытия, для обретения которого человеку необходимо место обитания. О. Ф. Больнов приводит два предельных варианта: образ «бездомного» (Unbehauster), о котором Гёте говорит как о «не-человеке», как о существе без цели и покоя, и образ цитадели – места, отвоёванного у пустыни и требующего постоянной защиты через напряженную работу и напряжение сил человека. Человек рассматривается как житель. Согласно концепции экзистенциализма, человек бездомен, лишен родины, чувствует себя потерянным и одиноким в неуютном мире, полном опасностей и угроз. Укорененность в определенной точке мира и включенность в установленный порядок представляются ему иллюзорными. «Неприкаянный» – это древнее обозначение человеческой ситуации на земле – означает в краткой форме судьбу экзистенциального человека, которого лишили последнего утешения – потусторонней помощи. Осталась

полная бездомность. Образ *homo viator* – вечный странник, беглец обозначает глубоко экзистенциальное состояние человека: любое ощущение уверенности представляется ему невозможным. В данной ситуации страх становится принципом мироощущения: неслучайно А. Камю назвал XX век «столетием страха».

В этом смысле слово «Verfall» (упадок, заброшенность) ни в коем случае не означает в «Бытии и времени» М. Хайдеггера только внутренний душевный процесс. Речь идет об упадке «социальной экзистенции, для которой полис был жизненным пространством, принадлежащим народу, и совместное бытие которого с другими представляет собой незыблемый экзистенциал. Это процессы макросоциологической природы, взятые в своём основании» [3, с. 28].

В самой постановке вопроса преодоления экзистенциализма как проблемы имеется, по О. Ф. Больнову, двойная предпосылка. Во-первых, экзистенциализм является не только неотъемлемой частью философии, но и необходимым выражением обширного историко-духовного развития. Во-вторых, он – только выражение кризиса современности, но не её результат и не решение. Этим сразу задается некая граница: необходимо пройти через кризис экзистенциального опыта, но нельзя в нем остаться. В таком случае важнейший вопрос – каким образом становится возможным для человека разорвать оковы экзистенциального одиночества и возратить «несущее отношение», т.е. отношение в основах бытия, в реальность вне человека. Отто Ф. Больнов намечает этот путь: таковым является преобразование осознания пространства и времени. Это и есть, по мысли философа, путь от экзистенциального угнетенного состояния, переживания беззащитности человеческого бытия к новому чувству защищенности.

Речь, прежде всего, идет о философии и психологии понятия «защищенность»: во-первых, обретение цельности, здоровья возможно только благодаря действиям природных сил. Если мы чувствуем связь с космическим целым, для нас становится достижимым здоровье, неразрушимость и цельность в этом смысле. Во-вторых, обретение и сохранение цельности (*Heil-werden* и *Heil-sein*) связаны непосредственно с культивированием пространства, его обживанием и очеловечиванием. Как пространство-образующее и пространство-напрягающее существо человек есть не только предпосылка, но одновременно и центр своего пространства, точнее говоря, человек движется в своем пространстве, в то время как пространство есть нечто устойчивое по отношению к человеку. При этом пространственность человеческой жизни и переживаемое человеком пространство соответствуют друг другу. Любое высказывание об одном содержит непременно высказывание о другом.

В-третьих, человек есть постольку, поскольку он живет. Речь, стало быть, идет о связи понятий «быть» и «жить» (*Sein – Wohnen*), на которую со свойственной ему пронизательностью обратил внимание Хайдеггер. Человек не просто находится в пространстве, являясь творческим существом, он создает его в процессе строительства. «Строить» (*bauen*) в древнегерманском языке означало «проживать» (*buan*), это слово превратилось позже в *wohnen*, которое родственно готскому *wunian* – быть довольным, пребывать в мире и покое. Определяющей чертой проживания, жизни в доме (*Wohnen*), отмечает Хайдеггер, и является как раз эта защита (*Schonen*). Иначе говоря, дом – оберегающее, охраняющее человека пространство.

В-четвертых, задача преодоления экзистенциализма означает открывание мира через создание священного пространства, каким является дом. Человек перестает быть «заложником времени», поскольку время становится «строительным материалом». Метафизика дома прямо указывает на методологию строительства как творческого воспроизведения мира, его нового рождения, возвращения к «началу». Для преодоления всеисильности времени как линейного и необратимого процесса и необходим дом как священное пространство, в котором время может быть приостановлено, разделено, «повёрнуто» по кругу. Философ не случайно подробно анализирует вопрос о том, как время становится живым, пульсирующим через праздник (*Fest*). Очень важно, что праздник в этом смысле ни в коем случае не является весёлым времяпровождением. Напротив, это максимальное напряжение, сосредоточие, очищение, ведущее к обретению надежной точки опоры.

Собственно говоря, происходит кристаллизация пространства через его освящение: сначала выделяется, как бы «вырезается» из общего целого кусок, часть, которая маркируется как определенная местность, пункт обитания (*die Ort*). Затем местность становится местом-жилищем, очагом, сосредоточием энергии (*die Stätte*) – медиумом между человеком и миром. При этом, настойчиво повторяет философ, в этом смысле невелика разница в том, рассматриваем ли мы жилище одного отдельного человека или храм как дом одного Бога. Дом, храм, город, в сущности, одно и то же, так как и дом, и храм, и город изначально – священный район. Каждый дом – картина мира в целом, *imago mundi*. Мир в целом отражается в доме, и поэтому каждое строение дома и, конечно, храма есть повторение творения мира, продолжение древнего (первого) начатого богами дела. Поэтому каждое человеческое упорядочивание пространства есть только повторение более древнего (первичного) действия: это космизация пространства, стремление к устойчивости и порядку, переживаемым как уверенность и защищенность. Неслучайно

первые построенные жилища человека имели в основании углубление круглой формы, будучи символом протопространства – материнского лона – и являясь одновременно символом защиты и связи жизни и смерти. Симптоматично, что немецкое слово «священный» (heilig) является однокоренным с прилагательным heil – «цельный», «невредимый», «здоровый» и с существительным Heil – «благо», «благополучие», «спасение».

Нет нужды рефлексировать по поводу того, что первыми жилищами были пещеры. В жилом пространстве в любом случае так же, как и сегодня, квартира является пещерой. В городской квартире имеется отверстие, которое связывает ее с окружающим миром – это дверь. Отсюда возникают возможности движения как система силовых линий, которая разворачивается вовне через прихожую и лестницы в комнаты, но они повсюду наталкиваются на границы в виде стен квартиры. Здесь пространство кончается. Что лежит за пределами этих стен, изнутри недостижимо, этого практически не существует. То, что мы видим через окна, в реальности для нас нет. Таким образом, квартира немногим отличается от пещеры. Основная идея книги О. Ф. Больнова «Человек и пространство» – всё человеческое пространство сакрально, сознает человек это или не сознает. Оно строится по модели храма. Храм – жилище, город, мир, космос, защита от хаоса, человеческий порядок. В социально-философском, этическом и экзистенциальном смысле дом и мир соответствуют друг другу. И, исходя из этого, человек обживает свой мир, делая его своим и, по возможности, родным. Он строит храм, дом, город – огороженное защищенное пространство.

Пожалуй, первым соотнес метафизику дома, родины и защищенности Г. В. Ф. Гегель в своих «Лекциях по истории философии», замечая, что образованный человек чувствует себя «дома» в мире греческой философии, там его родина. Человек только там «у себя дома», где свободен его дух. Эта свобода греческого духа нашла отражение в организации социального городского пространства полиса.

Принципиально другой моделью города – как символа могущества империи – является Roma quadrata – Древний Рим. Неслучайно в ставшей классической книге «Человек и пространство» О. Ф. Больнов называет римлян учителями современного градостроительства. Для римского стиля характерно наличие трех элементов: 1) круг, 2) стены, 3) крестообразные улицы в соответствии с направлениями частей света – *квадранты*. Achsenkreuzsystem – осевая крестообразная система улиц имела сакральный характер, она воспроизводилась в каждом лагере как знак имперской власти.

В главе «Открытие пространства» встречаем у Больнова интересное наблюдение: именно улицы в большей степени, чем жилища, – сви-

детельство различия человека и животного. Животные тоже обустраивают жильё – норы, гнёзда, но только человек создаёт планомерную целенаправленную систему улиц – пространственный социальный порядок. Именно римляне осознают принципиальную особенность градостроительства: сельские улицы могут рождаться сами по себе, но строительство широких мощеных улиц требует больших усилий и может проводиться только под руководством государства. Городские улицы – дело государственное. Вполне очевидна связь римской уличной системы с римской империей. Эти улицы вызваны к жизни мощной системой власти, позже они обрели значение как военное стратегическое пространство: по ним было легко перебросить войска из одного места в другие. Улицы служили расширению и укреплению империи, начинаясь в Риме, они несли порядок и структуру, обеспечивали быстрое и надежное управление в целом государстве – они были каналами римского господства. Здесь перед нами налицо внутренняя связь планомерного строительства городских улиц и сильной централизованной власти.

Так, при Наполеоне III проводилось грандиозное переустройство уличной сети Парижа, разрушалась веками создававшаяся извилистая и узкая сеть улиц. Сейчас эти две сети существуют как разные временные измерения: один поворот за угол – и человек оказывается в другом столетии. И в Германии строительство автострад было вызвано диктаторской установкой национал-социализма.

О. Ф. Больнов называет два принципа строительства улиц: господство и планирование. Не только люди, но и ландшафт подчиняется рациональному принципу. Но улица, прежде всего, связь одного места с другим: она выполняет свою функцию только тогда, когда связана с другими в уличную сеть. Таким образом, улицы открывают пространство. Эта система может обладать разной структурой: в государствах с сильной центральной властью улицы расходятся лучами от центра власти, как сегодня во Франции, и не только улицы, но и железнодорожные пути. Часто оказывается, что расстояние между двумя периферийными местами быстрее преодолеть через центр. В других странах, например, в Германии, сложилась иная система улиц: нет центра, а улицы расположены как сосудистая система листа растения: от больших ответвляются мелкие, от них еще мельче [4, с. 99].

Так или иначе большие улицы обретают самостоятельное значение и возрастающую автономию: это нечто другое, нежели пространство, которое выстраивалось вокруг середины храма или дома. Когда мы покидаем дом и выходим на улицу, мы оказываемся в некоем наиндивидуальном пространстве: пространство улиц становится гомогенным, однородным – это уже не личное пространство человека, а нейтральное простран-

ство транспорта. Если сакральное пространство дома и храма гетерогенно, то уличное пространство техногенно. Уличная сеть образует систему артерий, где пульсирует транспорт. Дома человек индивидуален, на улице он – аноним.

Но и ландшафт меняется, теряя собственный характер, уникальность. Не только дорога индифферентна по отношению к ландшафту, но и ландшафт становится индифферентным, поскольку дорога разрушает внутреннюю интимность и непосредственность, доверительность сельского и уводит в бесконечность. Что важно для улиц – это бо́льшая или ме́ньшая принадлежность к транспорту: особую важность обретают измерения в километрах, на перекрестках появляются указатели направлений и расстояний – действительно, «каждая улица ведет к концу мира» (Ф. Шиллер). Путь – это знак бесконечной дали: он вовлекает статичный ландшафт в движение, а движение – к устремлению в бесконечность, к горизонту.

Можно сказать, что современная улица как *путь* – это *эксцентрическое* пространство, в отличие от сакрального централизованного пространства дома и храма. В этом смысле путь – выражение трансценденции самого человека; путь как образ человеческой жизни, древнего символа человечества, который в ДАО китайской философии становится метафизическим первичным понятием (Urwelt). И всё же символ жизненного пути ДАО имеет другой смысл, чем символ той жизни, с которой мы встречаемся на современной улице. *Путь* показывает человека как путника, который, к сожалению, не может найти места, где остановиться. Отсюда и двойственность определения человека городского: как жителя и как путника, т.е. централизованного и эксцентричного существа. Улица – это преимущество лишь одного измерения пространства – длины, поэтому пространство становится временем: направленность улицы в будущее означает *скорость*, которая становится самоцелью и обретает всё большую власть над человеком [4, с. 109].

О. Ф. Больнов различает временны́е и пространственные характеристики социальной и персональной экзистенции, относя к первым надежду и благодарность, ко вторым – дом и родину. Он рассматривает надежду как доверительное отношение к будущему, которое дополняется благодарностью к прошлому. Её антиподом являются безнадежность, отчаяние, тоска. В этом смысле надежда, являясь предметом этики, становится философской категорией, связанной с категорией времени. Как отмечает О. Ф. Больнов, «первичное временное устройство человеческой жизни определяется через надежду» [5, с. 113]. Понимая надежду как временное отношение, точнее, определенное отношение к будущему, Больнов вступает в полемику с Хайдеггером, согласно которому именно временность есть основное определение человеческой жизни, по-

скольку она конституирует жизнь как целое. и эта временность определяется как забота [6, с. 196]. В отличие от Хайдеггера, Больнов считает, что изначальной является именно надежда, поскольку «без надежды всякая решительность свободы обречена на пустоту» [5, с. 115].

Отмечая двойственность феномена надежды, Больнов считает, что она не является добродетелью, потенциально присущей человеку, однако относится к добродетелям христианским. Всё дело в том, замечает философ, что следует различать естественную надежду и сверхъестественную. Речь идет, по сути, о некоем «зазоре» между ними, который можно понимать как «переход» от естественной (природной) надежды к сверхъестественной. Это означает, что призвание религии в том, чтобы укрепить человека в надежде, данной ему самой природой. С феноменом надежды Больнов связывает феномен *благодарности*. С философской точки зрения благодарность является общественной добродетелью, она всегда направлена на Другого. В то же время, выражая общее устройство отношения к окружающему миру и жизни в целом, она выходит за рамки общественной добродетели. Человек не может пребывать во внутренней гармонии с самим собой и с другими людьми, с обществом и историей, если он не способен испытывать чувство благодарности. Именно поэтому благодарность и готовность к благодарности означают внутренний настрой человека, вызывающий потребность дарить. Таким образом, благодарность, связанная с феноменом дарения, приобретает основополагающее философское значение. Она может пониматься как горизонт возможностей, соединяющий онтологические и социальные смыслы и создающий направление будущего личностного и социального поведения, открывая будущее.

Защита дома понимается Больновым в широком смысле, это – экзистенциал, который соединяет социальное и этическое в их истоках, в их предельных основаниях, и эта связь постоянно актуализируется. Таким образом, бытование социального хронотопа осуществляется через единство социального пространства и социального времени в их экзистенциальном основании.

Список литературы

1. *Bollnow O. F. Die Forderung der Menschlichkeit. Tübingen, 1961. 24 s.*
2. *Heidegger M. Platon : Sophistes. Frankfurt/M, 1992. 667 s.*
3. *Veauthier F. W. Zeitkritik als Metaphysikkritik // Martin Heidegger. Denker der Post – Metaphysik. Heidelberg, 1992. S. 9–47.*
4. *Bollnow O. F. Mensch und Raum. Stuttgart, 1963. 310 s.*
5. *Bollnow O. F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus. Stuttgart ; Köln, 1960. 247 s.*
6. *Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1993. 445 s.*

Philosophy of O. F. Bollnow: it's Social, Ethic and Existential Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of ethical and existential grounds of a man's social being through the philosophy of O. F. Bollnow. Actually his philosophy can be considered as the positive existentialism and thus it focuses on positive perception of society and history in their human dimension. The basic concept of the philosophy of Bollnow is «humanity». What is meant is the struggling through sense of danger, fear and vulnerability in risky environment of the modern civilization. To overcome all mentioned, «new defence» should be created, being uncovered by the following notions: «motherland», «hope», «gratefulness», «and festival». Social «chronotope» comes into existence in the identity of social environment and social time in their human (ethical and existential) understanding.

Key words: social philosophy, ethic, Bollnow, positive existentialism, humanity, civilization, risky society, motherland, hope, gratefulness, social «chronotope».

References

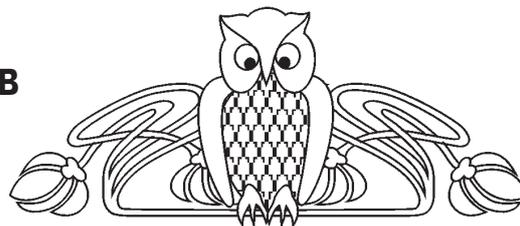
1. Bollnow O. F. *Die Forderung der Menschlichkeit* (The Demand of the Humanity). Tuebingen, 1961. 24 p.
2. Heidegger M. *Platon: Sophistes* (Plato: Sophist). Frankfurt/M., 1992. 667 p.
3. Veauthier F. W. Zeitkritik als Metaphysikkritik (Critics of time as critics of metaphysics). *Martin Heidegger. Denker der Post-Metaphysik*. Martin Heidegger. Thinker of the Post-metaphysics). Heidelberg, 1992, pp. 9–47.
4. Bollnow O. F. *Mensch und Raum* (Man and Space). Stuttgart, 1963. 310 p.
5. Bollnow O. F. *Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus* (New Security. The Problem of Overcoming of Existentialism). Stuttgart ; Cologne, 1960. 247 p.
6. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Being and Time). Tuebingen, 1993. 445 p.

УДК 140.8

ДИНАМИКА ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: ПРОБЛЕМА АЛГОРИТМОВ

В. П. Рожков

Рожков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме алгоритмов мироосмысления философского сознания в России и Китае. Доказательство правомерности категориально-алгоритмического описания динамики миропознания автор основывает, обращаясь к аналогии аналитической процедуры проведения алгоритмизации уровней абстрагирования в языке математических символов и философских универсалий. Исходя из этого, он выводит категориальные алгоритмы, проявляющиеся в онтологических обращениях русской религиозной философии и даосизма в китайской традиционной философии. Это позволяет провести категориально-алгоритмическое сравнение различающихся исторических типов мировоззрения изучаемых культур. Источником этих различий, как показывается в статье, является антиномия религиозного и философского мировоззрений русской религиозной философии, с одной стороны, и конфуцианства, даосизма и буддизма – с другой. В результате обозначается интересное направление разработки категориально обоснованной и методологически выдержанной концепции ментальных мировоззренческих различий философского сознания в России и Китае.

Ключевые слова: философия, религия, сознание, онтология, алгоритм, Россия, Китай, даосизм, антиномии, нумерология, творение, порождение, превращение, саморазвертывание.

Исследование обозначенной темы требует предварительного изъяснения относительно двух, отражающих специфику изыскательного интереса, понятий: «философское сознание» и «алгоритм». Что касается первого, то в этом случае предлагается исходить из авторской точки зрения на базовую категорию «сознание», заявлявшейся ранее [1, с. 4–5]. С целью уточнения можно предложить следующее определение: сознание – психоэнергетический поток перцептивно-когнитивной информации, вырабатываемой нейросистемой человека и трансформирующейся в образы, символы, знаки, понятия, дифференцируемые и интегрируемые в процессе чувственно-образного, образно-символического и абстрактно-логического мышления. Категория «философское сознание» в таком случае служит методологической конкретизацией уровня трансформации нейро-психической энергии, указывая на то, что преобразование перцепции «Я ↔ Мир»